

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Натальи Константиновны Гусевой на тему: «Коммуникативные стратегии и тактики побуждения в разных лингвокультурах (на материале сопоставления итальянского и русского языков)», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.8 «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика»

Диссертационная работа Натальи Константиновны Гусевой посвящена рассмотрению коммуникативных стратегий, тактик и языкового оформления императивных речевых актов.

Работа хорошо написана, её текст ясен. Логика изложения также во всех случаях понятна читателю. Не излагая подробно строение работы, скажем кратко, что первые две главы являются вводными, задают общую линию движения автора, его цели и задачи, а также рассказывают о предшествующих исследованиях в области коммуникативных актов, их типологии, выводных компонентах коммуникации и др. Третья глава – это переход от введения к основной части: речь в ней идёт об императивных речевых актах и об охвате понятий императива и директива. Здесь говорится о выражении императивной семантики и прагматики не только с помощью императивных форм, но и с помощью других близких форм (конъюнктива), дальше отстоящих по семантике форм индикатива, а также неглагольных составляющих типа *тишина!* или *спокойно!*.

Основной части работы предшествует подробный обзор литературы. Он особенно ценен в связи с тем, что работы по императиву, в основном, находятся в чисто грамматической области. Работы, находящиеся на стыке грамматической теории и обсуждения коммуникативных функций языка, известны несколько меньше.

В целом исследование интересно и по своей сути, и по выбранным установкам. Императивные речевые акты здесь рассматриваются именно в коммуникативной, а не в грамматической перспективе. Однако проблема, часто характеризующая такие исследования – не слишком подробное описание языкового материала – здесь не актуальна: автор детально и очень убедительно рассматривает каждый пример / группу примеров. Поэтому все выводы о коммуникативных тактиках, стратегиях и способах их выражения кажутся обоснованными. Подробно описан и материал исследования – итальянские и русские фильмы.

Говоря о материале, надо отметить и то, что выводы делаются на материале современной коммуникации. Нередко (это показано автором в части, посвящённой выбору местоимений в итальянском языке) исследования грамматической системы «отстают» от актуального употребления: современные методы исследования применяются к формам, которые уже вышли или выходят из употребления – и в этой связи не полностью ясно, какой срез системы исследуют авторы. Здесь же выбор диалогов из фильмов позволяет избежать этой проблемы.

В главе 3 интересно рассмотрение системы форм обращения в итальянском языке. Эта система богаче, чем в русском, и, в отличие от русского, здесь тесно взаимодействуют категории лица и склонения.

Центральной для исследования является глава 4, где автор проводит собственное исследование, базируясь на материале российских и итальянских фильмов. Центральной для этой части работы является понятие коммуникативной тактики – способа реализации своего намерения, средств, используемых для достижения коммуникативной цели. Предполагается, что в зависимости от того, как говорящий мыслит своё положение относительно слушающих, будут выбраны разные языковые средства. Понятие тактики позволяет рассмотреть самые разные способы выражения императивности, не ограничиваясь императивными конструкциями.

Хотя в целом работа интересна и хорошо написана, она не свободна от ряда недостатков.

В некоторых случаях в работе недостаёт объяснительного элемента. Например, говоря о том, что при употреблении *Loro* и *Lei* употребляется конъюнктив, автор не проводит напрашивающейся логической связки: поскольку стандартные, бесспорные формы императива ограничены вторым лицом, а *Lei* и *Loro* не принадлежат ко второму лицу, конъюнктив употребляется из-за невозможности употребить императив.

Не до конца мотивировано употребление понятия коммуникативной тактики. Я не подвергаю сомнению сам подход, при котором в центре находится коммуникативная цель – побудить слушающего совершить действие. Однако не до конца ясно, как тактики формулируются, как выявляется, в чём именно они состоят.

Кроме того, кажется, что в некоторых случаях в слишком общем виде формулируются выводы о возможности тех или иных форм в двух языках. Например, автор сам показывает, что в русском и итальянском возможности вопроса в императивной функции различны. Однако, суммируя выводы, он говорит просто об использовании вопроса. На мой взгляд, выявленные различия можно было бы попытаться объяснить и провести границу между разными типами вопроса: общим вопросом, вопросом с *почему*, вопросом с использованием модальных единиц и др.

Несмотря на коммуникативный подход, было бы интересно выяснить, отличаются ли в языковом отношении императивные употребления языковых средств от неимперативных. Например, можно ли провести различия между *хочу* во фразах типа *Я хочу, чтобы вы не молчали* и *хочу* в стандартных конструкциях, не обращённых к третьему лицу (*Я хочу, чтобы он не молчал*). У меня есть гипотеза, что такое различие можно наблюдать в сфере действия отрицания: при собственно модальном употреблении отрицание обычно находится не в подчинённой клаузе, а в главной (*Я не хочу, чтобы вы молчали*) – можно было бы проверить эти и другие различия на корпусном материале.

В части, посвящённой бенефактивности для адресата, не хватает одной оговорки. Датив используется в русском языке чрезвычайно широко, поэтому любую конструкцию с дативом и предикативом / модальным глаголом нельзя считать бенефактивной. Следует оговориться, что многие из таких конструкций на самом деле содержат датив, не получающий от главного предиката семантической роли: например, *Тебе следует держаться от моей дочери подальше* не означает ‘Для тебя будет лучше, если ты будешь держаться от моей дочери подальше’ (хотя, возможно, это значение и имплицитруется), а скорее просто значит ‘Нужно, чтобы ты держался от моей дочери подальше’.

Как кажется, хотя корпусное распределение стратегий и тактик рассмотрено в полной мере, меньше, чем можно было бы, внимания уделяется факторам, определяющим их употребление. Например, известно, что употребляются и маркеры вежливости, и повторы. Как они распределены относительно друг друга и как комбинируются между собой? Как всё-таки чаще ведут себя повторы – как показатели категоричности приказа или как показатели того, что говорящий умоляет адресата что-то сделать? Подобный анализ факторов дополнил бы сам инвентарь используемых языковых средств и тактик.

В то время как предшествующая литература в полной мере используется автором, в некоторых случаях недостаточно выделены собственные результаты автора. Например, возможно, поскольку диахрония употребления местоимений в императиве подробно рассмотрена в более ранней статье автора, возможно, стоило бы подробнее изложить итоги этого исследования.

В части, посвящённой директивам – не собственно императивному выражению побудительной семантики – есть одна лакуна: не упоминается об исследовании косвенных речевых актов. В частности, отмечалось, что косвенные речевые акты разнообразны: одни из них могут использоваться по-разному, и эта интерпретация во многом зависит от контекста, а для других косвенная интерпретация практически обязательна. Такая неоднородность заметна и в приводимых автором примерах использования других форм в императивном значении. Например, конструкция прошедшего времени *Пошёл и рассказал ему всё!* должна, видимо, интерпретироваться как особая императивная конструкция, поскольку сильно оторвана от прочих употреблений прошедшего времени: здесь формы *пошёл* и *рассказал* относятся к футуральному временному плану. Напротив, конструкции в настоящем времени типа *Сейчас ты идёшь и рассказываешь ему всё* естественным образом продолжают более широкое употребление настоящего времени в значении плана, расписания: *Мы уезжаем завтра, Поезд отходит сегодня в пять вечера*. При переносе на императив говорящий контролирует действия слушающего или считает, что их контролирует, поэтому он как бы включает эти действия в собственные планы.

Выдвигаемая гипотеза об этноспецифичности языковых тактик сама по себе не является новой – в частности, в работах А.Д. Шмелёва, Анны А. Зализняк и многих других показано, что эмоциональные и ментальные концепты типа *злиться, тоска, скучно* также различаются от одной культуры к другой. Это же, в более широкой перспективе, уже было показано В.А. Плунгяном и Е.В. Рахилиной в применении к восприятию времени в разных европейских языках. Однако этот факт компенсируется тем, что гипотеза здесь проверена на очень большом языковом материале. Тем не менее, мне кажется, что выводы дополнили бы гипотезы автора о том, какие тактики могут быть универсальны или хотя бы широко распространены – по-видимому, на эту роль, например, может претендовать выражение императивности с помощью показателей деонтической модальности.

Некоторое терминологическое замечание заключается в том, что в работе довольно мало используются принятые в современных типологических исследованиях термины – гортатив и юссив. Они удобны для рассмотрения императивов за пределами 2-го лица.

Тем не менее, изложенные выше замечания скорее носят локальный характер и не снижают положительной оценки диссертации.

Диссертация Гусевой Натальи Константиновны на тему: «Коммуникативные стратегии и тактики побуждения в разных лингвокультурах (на материале сопоставления итальянского и русского языков)» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Гусева Наталья Константиновна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.8 «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика». Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета

Д. филол. н., профессор НИУ ВШЭ

Летучий Александр Борисович

31.03.2022